

УДК 821.521

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/5-17>

М.В. Бабкова, Н.Н. Трубникова*

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ В РАССКАЗАХ «СОБРАНИЯ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ»: ПРОВИНЦИИ ЯПОНИИ, ИХ УРОЖЕНЦЫ, НАМЕСТНИКИ И ГОСТИ**

Среди сборников японских поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку-моногатари-сю*», 1120-е гг.) выделяется не только объемом, но и широтой географического охвата. Достопамятные случаи из жизни японцев помещаются здесь в мировой контекст, за счет общих мотивов перекликаются с преданиями о жизни Будды и другими индийскими легендами, с эпизодами китайской истории, и вместе с тем каждый из рассказов о Японии имеет местные особенности. В статье рассматриваются функции топонимов в структуре рассказов и способы привязки повествования к местностям на карте Японии, а также прослеживается связь между каждым из таких способов и типом источника, к которому восходит рассказ. На примере нескольких японских провинций авторы анализируют контексты упоминания их названий, задаваясь вопросом о возможном единстве мотивов в рассказах, объединенных не просто местом действия, но и топонимом. В приложении к статье приводится перевод одного из рассказов собрания (26–17), в котором упоминается край Этидзэн.

Ключевые слова: Япония, *сэцува*, «Собрание стародавних повестей», топонимы, география, местные традиции

Places of action in *Konjaku-monogatari-shū*: the provinces of Japan, their natives, governors, and guests. MAYA V. BABKOVA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), NADEZHDA N. TRUBNIKOVA (Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality)

Among collections of Japanese *setsuwa* tales, *Konjaku-monogatari-shū* of the XIIth century stands out not only for its volume, but also for its breadth of geographical coverage. Memorable incidents from the life of the Japanese are placed here in a global context, while at the same time each of the Japanese tales has local characteristics. The article examines the functions of toponyms in the structure of the tales and ways of linking the narrative to places on the map of Japan,

* БАБКОВА Майя Владимировна, кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: maymayl@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 22-28-01384.

© Бабкова М.В., Трубникова Н.Н., 2024

and traces the connection between each of these ways and the type of source to which a tale goes back. Focusing on several Japanese provinces, the authors analyze the contexts in which their names are mentioned, searching for the possible unity of motives in the tales united not just by the place of action, but also by a toponym. The appendix to the article contains a Russian translation of the tale, which mentions the region of Echizen (26–17).

Keywords: Japan, *setsuwa* tales, *Konjaku-monogatari-shū*, toponyms, geography, local traditions

Японские поучительные рассказы *сэцува* воспроизводят многие сюжеты, известные и по буддийским преданиям Индии, и по китайским сводам «историй об удивительном», и по притчам и сказкам разных народов мира. Казалось бы, место действия в таких текстах не слишком важно, все могло бы случиться «в некотором царстве, в некотором государстве». Однако *сэцува* излагаются как правдивые истории, и их достоверность подчеркивается разными средствами, в том числе точным указанием места действия. Чудеса важны для рассказчика сами по себе, но важно и то, где именно они совершились, в какой точке на умозрительной карте мира можно приобщиться к благим последствиям того или иного чуда, почтить будду, бодхисаттву или божество за его милость к людям. А кроме легенд о чудесах в жанре *сэцува* представлены исторические повествования, биографии знаменитых людей, придворные анекдоты и многие другие тексты, имеющие обязательную привязку к эпохе и стране. Большие своды *сэцува* дают обширный материал для изучения представлений японцев об их собственной стране и иных землях. И с этой точки зрения особенно интересно «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю:*», далее – «*Кондзяку*»)¹. Оно охватывает весь известный рассказчикам мир – Индию, Китай и соседние страны, включая государства на Шелковом пути, на морском пути из Индии на восток и на Корейском полуострове. Буддийские рассказы, кроме того, постоянно упоминают области за пределами людского мира: от небес и райских Чистых земель будд до адских «подземных темниц». Однако в этой статье мы сосредоточимся

на тех историях, действие которых происходит в Японии.

«*Кондзяку*» дает почти полную картину Японского архипелага: хотя бы по одному разу упомянуты все провинции кроме двух (островных Ики и Цусимы); заходит речь даже о Хоккайдо (рассказ 31–11) и об островах Рюкю (11–12)², хотя до вхождения этих земель в состав японского государства остается еще много веков. Перечень храмов, святилищ, мест паломничества далеко не ограничивается центром страны. В этом состоит важное отличие собраний *сэцува* от японских памятников других жанров X–XI вв., в большей мере сосредоточенных на столице. Конечно, и в «*Кондзяку*» во многом преобладает взгляд из столичного региона, куда кроме собственно столицы, города Хэйан/Киото, входят город Нара, а также прилегающие земли – места, откуда правили древние государи, когда городов еще не было. Как и в других средневековых японских текстах, движение в столицу здесь обозначается как подъем, из столицы – как спуск. Однако никак нельзя сказать, что для рассказчиков за пределами столичной округи нет жизни: жизнь есть, во многом пугающая, но часто и увлекательная. Из 689 рассказов японской части 228 имеют местом действия столицу и город Нара, 272 – провинции, включая ближние к столице. В 174 рассказах герои путешествуют из столиц в провинции и наоборот, а также за море и в «подземные темницы» (мы учитываем те случаи, где герои, побывав на том свете, возвращаются к жизни). Еще в двух историях японцы действуют за пределами Японии, а в 22 место действия неясно (например, «усадьба» такого-то знатного семейства, неясно, столичная или провинциальная, топонимом не обозначенная).

¹ В данной работе мы используем следующее издание «*Кондзяку*»: [2], все подсчеты произведены по следующему электронному изданию: [3]. Материалы проекта полного русского перевода «*Кондзяку*» см.: [4].

² Здесь и далее при ссылках на рассказы «*Кондзяку*» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нем.

Внимание рассказчиков к разным провинциям неравномерно, и до какой-то степени по распределению рассказов можно судить о том, какие местности к началу XII в. остаются в кругу литературного интереса. Круг этот был шире в пору становления японского государства в VIII в., а в последующие триста лет постепенно сжимался – как сокращалась и поддержка провинциальных храмов и святилищ из центра. В эти же века при постепенном распаде древнего «государства законов» (по замыслу – высокоцентрализованного, с единой системой обрядов и т.д.) происходит, с одной стороны, укрепление местных центров власти, с другой – перераспределение земель в провинциях между владельцами, такими как столичные знатные семьи или крупные храмы столичной округи. Все это в середине и в конце XII в. приведет к междоусобным войнам, а столетием раньше их предвестниками уже были столкновения на северо-востоке. В мире «*Кондзяку*» присутствие центральной власти в провинциях ощутимо: там руководят назначенные из столицы наместники, а воины из числа тех, кто усмирал мятежи, дают примеры ратной доблести. Во многом именно воины создают славу северо-восточного края Митиноку – провинции, первой по частоте упоминаний в «*Кондзяку*» (о ней заходит речь 75 раз). С XIII в., с установлением воинского правления – сёгуната, начнется резкое расширение круга авторов, в литературе заново заявят о себе «Восточные земли», в традиции *сэцува* появятся, например, такие тексты, как «Собрание песка и камней» («*Сясэкисю*:»), где «центральных» и «восточных» рассказов примерно поровну. Однако, на наш взгляд (оценка зависит от способа подсчета), дорожных историй станет меньше, единство действия в пределах рассказа будет соблюдаться последовательнее. В этом смысле «*Кондзяку*», где герои активно перемещаются по стране, ближе к текстам, специально посвященным теме странствий.

И географическая привязка событий, и сами способы обозначения места действия в «*Кондзяку*» во многом зависят от того, к каким источникам восходят рассказы. Те, что взяты из «Японских легенд о чудесах» («*Нихон рё:ики*», рубеж VIII–IX вв.), относятся или к Наре (тогдашней столице), или к различным провинциям, причем место действия указывается наиболее подробно, с точностью до уезда и селения. Истории из «Японских записок о возрождении в краю Высшей Радости» («*Нихон о:дзё: Гоку-*

раку-ки», конец X в.) или из «Записок о чудесах Лotosовой сутры в великой стране Японии» («*Дай Нихон-коку Хоккэ-гэнки*», середина XI в.) уже в большей мере тяготеют к столичной округе и к горе Хиэй (северо-восточнее города Хэйан), где расположены храмы самой влиятельной в X–XI вв. буддийской школы – Тэндай. Правда, и здесь встречаются отсылки ко многим провинциям, если не как к месту действия, то как к месту рождения героя, а список упоминаемых храмов отчасти сокращается за счет провинциальных, отчасти пополняется новыми святынями столицы и ближних к ней краев. Коль скоро два названных сборника разрабатывают в традиции *сэцува* поджанр *рэйгэнки*, «записок о чудесах», место действия в них чаще указывается с точностью до храма или иного святого места; некоторые из этих храмов соотнести с современными не удастся, их традиции пресеклись или сильно изменились. Если же рассказ восходит к воинскому сказанию *гунки*, то в нем походы и сражения бывают описаны во всех топографических деталях: возвышенности, речки, переправы и т.д. То же можно сказать об историях из жизни столицы: порой в них адреса указаны с точностью до улицы и переулка, и мы можем проследить по карте города Киото все перемещения героя (чиновника, монаха, вора и пр.); правда, источник этих рассказов неизвестен, возможно, они бытовали изустно и впервые были записаны для «*Кондзяку*».

Топонимы в рассказах «*Кондзяку*» встречаются в четырех основных функциях. Помимо собственно указания на место действия это могут быть имена или прозвища героев. Таковы, например, величания знатных особ по их усадьбам, пример – «господин Удзи», прозвище канцлера Фудзивара-но Ёримити (992–1074), в рассказах 23–14, 24–29, 24–33, 26–16, 28–30. Именно его покровительство, по преданию, позволило Минамото-но Такакуни (1004–1077), большому любителю занимательных историй, проводить досуг в местности Удзи на пути из Хэйана в Нару, зазывать к себе путников, записывать их рассказы и тем самым положить начало составлению «*Кондзяку*». Люди незнатные тоже часто прозываются по местностям: «плотник из Хиды» (24–5), «помощник из Оосуми» (16–25) и пр.

Иной случай составляют топонимические характеристики героев. Таково место рождения для монаха, который «покинул свой кров» и подвижничает, например, на горе Хиэй, но

для рассказчиков важно, откуда он родом. В еще большей мере место, выбранное для уединения, характеризует отшельника, а странника – маршруты его странствий. Вся Япония в «Кондзяку» обозначается как «пять областей вокруг столицы и семь дорог» и «шестьдесят с лишним краев» (рассказ 13–24); второе из этих выражений встречается также в рассказе 15–28, и в обеих историях речь идет о монахах-странниках, обошедших всю страну³. Мирянина характеризует место службы: «наместник края такого-то» – часто вершина карьеры, и подобным образом в рассказах знатный господин бывает представлен не реже, чем как «глава такого-то ведомства». Знатные женщины, по именам не называемые вообще, появляются под прозвищами в честь места службы их отцов, мужей или других родичей («Исэ, служительница государевой опочивальни» в рассказе 24–31). Условия службы не предполагали постоянного присутствия наместника во вверенной ему провинции, и в рассказах многие наместники действуют в столице, но для «Кондзяку» связь между человеком и местом службы не случайна, а определяется законом воздаяния. Одно из подтверждений тому – возможность предсказать, назначат ли в такой-то край такого-то чиновника. В рассказе 31–25 принц Тоёсаки (801–864) «хорошо знал, как что делается на свете, помыслы его были прямы, он прекрасно различал, что хорошо, а что дурно в делах службы. Когда при дворе готовились объявить новые назначения, он взвешивал, кто ожидает своей очереди и хочет получить должности в краях, где есть свободные места. И говорил: вот его завтра назначат наместником в такой-то край, а этот человек не пройдет, какие бы доводы в его пользу ни приводили... И так – для каждого из краев». Точность его предсказаний

³ Пять ближних к столице краев – это Ямато, Ямасиро, Сэтцу, Идзуми и Кавати, они окружают столичные города Нара и Хэйан в середине острова Хонсю и часто называются «столичной округой», 畿内, *Кинай* (в «Кондзяку» это слово встречается в рассказе 11–2). Четыре дороги расходятся из центра на восток и на запад Хонсю по побережьям, обращенным к океану или к материку; пятая дорога ведет на восток по горам, шестая, южная, захватывает полуостров Кии и остров Сикоку; седьмая пролегает по острову Кюсю. Из семи дорог в «Кондзяку» упомянуты четыре: Восточная приморская, То:кайдо:, и Восточная горная, То:сандо: (25–1), Северная материковая, Хокурукудо: (15–29), Дорога по светлой стороне гор, Санъё:до: (25–2).

удивительна, хотя не все при дворе ему верят и некоторые даже считают безумным; как и во многих случаях в «Кондзяку», здесь неясно, исходит принц просто из житейского опыта или обладает более глубоким знанием кармических закономерностей. Наконец, топонимы могут служить характеристиками животных или вещей, как правило, особенно ценных: «конь из края Каи», «бумага из Митиноку» и т.п.

В «Кондзяку» лишь изредка встречаются истории о том, почему то или иное место называется так, а не иначе; топонимы в основном берутся как данность. Отметим, что при переносе рассказа из сборника в сборник именно топонимы оказываются устойчивее прочих подробностей; один из примеров мы обсудим ниже.

Рассмотрим контексты, в которых появляется название одной из провинций. Пусть это будет Этидзэн в регионе Коси северо-восточнее города Киото (Рис. 1). Провинция относится к крупным; японские источники не обходят ее вниманием, начиная с древности (см.: [6; 7]). В Новое время сравнительные описания провинций называют климат Этидзэн холодным, указывая, что жители здесь «сообразительны и смекалисты» [5, с. 171]. В «Кондзяку» край Этидзэн упомянут в десяти рассказах, всего 14 раз.

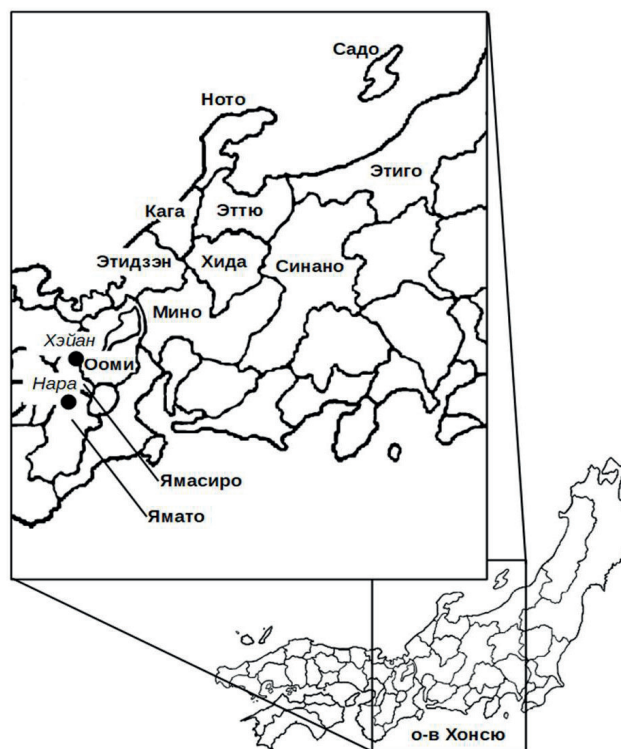

Рис. 1. Исторические области в центральной части о. Хонсю

В одном случае (15–11) это место, откуда родом герой-монах: учился он на горе Хизэй, затем жил в столице или странствовал, читал «Лотосовую сутру», за плату исполнял обряды по заказам мирян. Под старость он потратил нажитое на благие дела: на изготовление статуи будды Амиды и картин для храма, а также на переписывание сутры. Когда скончался, близкие его видели во сне, что он возродился в краю Высшей Радости – Чистой земле будды Амиды. Здесь перед нами жизнеописание обычного, рядового монаха, не сделавшего карьеры в крупном храме, не имевшего знаменитых учеников, но и не ушедшего в отшельники; место рождения занимает одну из строчек в этой короткой биографии. В другом случае (11–9) второстепенный персонаж, Фудзивара-но Кадономаро (755–818), назван «наместником края Этидзэн» – по высшей из его должностей, однако в самом рассказе говорится о более ранней его службе: он возглавлял посольство в Китай в 804–805 гг., когда туда ездил на учебу главный герой рассказа – знаменитый монах Кукай (774–835). Более поздний наместник Этидзэн, Фудзивара-но Тамэмори (ум. 1029), появляется в рассказе 28–5. Место действия тут – город Хэйан. Наместник должен из податей, поступающих из провинции, выплачивать жалованье воинам дворцовой стражи; он медлит с этим, и стражники начинают роптать. Наместник находит способ на время отложить вопрос: устраивает для стражников большой пир, чтобы они объелись и перепились на потеху их же товарищам и всей столице. С чем была связана задержка выплат (с неурожаем, неумением наместника наладить сбор податей или с прямыми злоупотреблениями), в рассказе не говорится.

Должность наместника Этидзэн как таковая оказывается в центре внимания в рассказе 24–30: Фудзивара-но Тамэтоки (949–1029), давно и успешно служащий в столичных ведомствах, надеется получить повышение и стать наместником какого-нибудь края, но – тщетно. В печали он слагает стихи и передает их ко двору, там его строки производят впечатление, и его все-таки назначают наместником в Этидзэн. В истории японской словесности Тамэтоки известен не столько собственными стихами, сколько творчеством его дочери – Мурасаки Сикибу, сочинительницы «Повести о Гэндзи». В рассказе, правда, о его семье речь не заходит, как и о том, успешно ли он управлял вверенным ему краем;

перед нами лишь пример того, как стихи трогают людские сердца.

Эти четыре случая не касаются самого края Этидзэн, но упоминание названия провинции в них добавляет сказанному конкретности, соотносит рассказ *сэцува* с такими жанрами документальной словесности, как монашеское жизнеописание и послужной список мирянина. Однако Этидзэн служит также и местом действия нескольких историй.

Наместник этого края по имени Фудзивара-но Такатада (даты жизни неизвестны) в рассказе 19–13 находится на месте службы, когда зимним утром замечает, что один из его свитских убирает снег во дворе, одетый слишком легко. Наместник предлагает ему сложить песню о холоде, и свитский сочиняет пятистишие:

*Хадака нару
Вагами-ни какару
Сироюки-ва
Утифуруэ домо
Киэсэдзари кэри*

На голое
Тело мое
Падает белый снег.
Но хоть и дрожу я весь,
Все же совсем не растаю.

Такатада оделяет свитского теплым кафтаном со своего плеча, супруга наместника прибавляет еще накидку. После этого свитский исчезает, какое-то время все думают, что он сбежал, а он на самом деле отправился в местный горный храм к отшельнику, преподнес ему полученную в дар одежду и объявил, что хочет принять монашество. Отшельник совершает обряд, новопостриженный монах уходит неизвестно куда, позже наместник отзывается о поступке свитского с уважением.

В рассказе 14–8 край Этидзэн упомянут в ряду других, основные события разворачиваются в соседнем краю Эттю. Небогатый человек, писарь, узнает, что для спасения своей умершей супруги из «подземных темниц» должен переписать «Лотосовую сутру» тысячу раз. Он вместе с детьми принимается за работу, хотя и понимает, что задача непосильна. Наместник Эттю, прослышав о том, рассылает письма в соседние провинции Ното, Кага, Этидзэн. И там, и в Эттю находятся отзывчивые люди, тысячу

списков сутры удастся изготовить, и умершая возрождается на небесах.

Через Этидзэн лежит путь героя рассказа 16–7 – сына наместника края Мино, молодого вдовца. Он по делам направляется в край Вакаса и по пути ночует близ гавани Цуруга в усадьбе, когда-то богатой, но запустевшей. Там он влюбляется в хозяйку, тоже вдовую обедневшую даму. Он оставляет у нее часть своей свиты (вероятно, вместе с лошадьми), сам едет дальше (видимо, морем), а на обратном пути забирает с собой и свитских, и хозяйку. Направляет его в пути бодхисаттва Внимающий Звукам (Каннон, санскр. Авалокитешвара): этого бодхисаттву преданно чтит вдова, молится ему о помощи, и Каннон в вещем сне сообщает ей: «Я решил выдать тебя замуж, вызвал жениха сюда, и уже завтра он прибудет». Бодхисаттва приходит в дом, приняв облик девушки-простолюдинки и назвавшись дочерью служанки, когда-то давно работавшей у родителей вдовы. Девушка добывает все надобные припасы, чтобы принять гостя и кормить потом его многочисленных свитских; в благодарность вдова дарит ей свою одежду, а перед отъездом, зайдя помолиться в домашнюю молельню, находит эту одежду на изваянии Каннон. Супруги живут долго и счастливо и многие годы ездят в Цуругу на поклонение. То, что в этом месте почитают именно Внимающего Звукам, неудивительно – ведь он покровитель не только женщин, но и мореплавателей.

Отметим, что дочь служанки, располагающая немалыми средствами, не вызывает недоумения. Героиня удивляется только, почему девушка взялась помогать ей, а та отвечает: в память о покойных господах своей матушки. Вероятно, в гавани Цуруга возможно встретить простолюдинов, разбогатевших на торговле и морских перевозках. Этот мотив звучит также в рассказе 20–19. При государе Сёму (в середине VIII в.) купец по имени Ивасима, житель города Нара, берет займы денег у крупного храма Дайандзи и отправляется в Цуругу за товарами. Обратный путь его лежит через края Ооми и Ямасиро; по дороге герой заболевает и вдобавок замечает за собой слезку. В Ямасиро у моста через реку Удзи ему удастся поговорить с преследователями. Это не люди, а демоны, они служат царю Эмма (санскр. Яма), вершащему суд над умершими. Пока герой не вернет деньги храму, его не могут вызвать на суд, иначе говоря – он не может умереть, хотя срок его

уже подошел. Демоны жалуются, что устали гоняться за Ивасимой из Нары к морю и обратно, тот делится с ними дорожными припасами, потом приглашает к себе в гости, щедро угощает и договаривается с ними, чтобы они якобы ошиблись – доставили на посмертный суд другого человека. Чтобы избавить демонов от наказания, Ивасима заказывает ради них прочесть «Алмазную сутру», долг храму так и не возвращает – и доживает до глубокой старости. О подобных ошибках служителей царя Эмма говорится в нескольких рассказах «*Кондзяку*» (9–32 и др.); о мостах как местах, где проще всего встретить демонов, также речь заходит не раз (16–32, 27–13, 27–14). Рассказ об Ивасиме через эти мотивы соотносится с историями, где действие происходит в Китае или в других краях Японии. Обратим внимание, однако, на мотивы богатства и угощения.

В «*Кондзяку*» встречаются сюжеты, общие для традиций многих народов. Один из них связан с Этидзэн (17–47). Мелкий чиновник, служащий здесь (уроженец соседнего края Кага), усердно молится богине Китидзё (санскр. Лакшми) о том, чтобы выбиться из нужды, и та сначала сама в образе прекрасной женщины приносит ему риса, а потом выдает расписку. С этой бумагой нужно подняться в горы и у тамошнего демона получить пропитание. Демон вручает бедняку мешок, в котором рис не тратится, сколько ни бери, и вскоре об этом узнает наместник края (здесь он по имени не назван). Дальше сюжет подобных историй может развиваться по-разному: хитростью или силой у бедняка отнимают сокровище, оно начинает вместо богатства приносить неприятности и т.д. В «*Кондзяку*» наместник честно выкупает мешок за огромное количество риса, надеясь со временем получить еще больше. Но выдав ровно столько, сколько было заплачено, мешок пустеет, наместник возвращает мешок бедняку, и неистрачиваемый рис появляется снова. В японских текстах эта история встречается в разных изводах (например, в «*Рассказах, собранных в Удзи*», «*Удзи сю:и-моногатари*», XIII в., рассказ 192), в ней меняются имена бедняка и демона, и даже помощником выступает другое божество, но привязка к краю Этидзэн сохраняется.

Наконец, в рассказе 26–17 соединяются мотивы, уже знакомые нам по предыдущим историям. Здесь снова бедный чиновник и его мечта – наесться досыта; правда, мечтает он о кон-

кретном кушанье – каше из батата. Здесь есть и поездка через несколько провинций, причем дорога выглядит особенно пугающей, ведь герой не понимает, куда его везут. Холод и попытка согреться; чудесный помощник (в этом случае – лисица-оборотень); и клич, брошенный окрестным жителям, и их совместные усилия по выполнению трудной задачи; и баснословно богатое пиршество – все это отсылает к другим рассказам «*Кондзяку*» о крае Этидзэн. Но главным благодетелем героя здесь выступает человек – знатный господин, и движет им не милосердие, а скорее желание развлечься. История эта стала одной из самых известных в «*Кондзяку*» благодаря тому, что ее пересказал писатель Акутагава Рюноске в рассказе «Бататовая каша» («*Имогаю*», 1916 г.); на русском языке рассказ Акутагавы публиковался не раз в переводе А.Н. Стругацкого. В приложении к нашей статье приведен перевод рассказа из «*Кондзяку*».

Итак, можно проследить единство мотивов в рассказах, объединенных не просто местом действия, но также и топонимом Этидзэн. В целом мотив нехватки/изобилия пищи в «*Кондзяку*» – один из частых, но преобладающим для всего собрания его назвать нельзя; в нашей выборке он звучит гораздо заметнее, чем в среднем по собранию. При этом каждый из рассмотренных рассказов на своем месте в структуре собрания соотнесен общей темой с соседними рассказами: в свитке 11-м это история передачи Закона Будды из Китая в Японию, в 14-м – чудеса «Лотосовой сутры», в 15-м – возрождение в Чистой земле, в 16-м – чудеса бодхисаттвы Каннон, в 17-м – чудеса разных бодхисаттв и богов, в 19-м – уход мирян в монахи, в 20-м – встречи с нечистой силой, в 24-м – человеческие таланты, включая поэтический, в 26-м – удивительное действие закона воздаяния, в 28-м – человеческая глупость. Но если по разным свиткам отобрать упоминания Этидзэн, то, как нам кажется, возможно вычленим связанные с этим краем людские нужды и пристрастия.

Такая закономерность, конечно, наблюдается не для всех провинций. Сравним рассказы о крае Этидзэн с рассказами о двух соседних краях – Эттю и Этиго.

Край Эттю упомянут в семи рассказах, всего 16 раз. Наместники Эттю появляются в трех историях. Рассказ 12–24 повествует о явлении одного из будд в образе вола; наместник приобретает его в Эттю, затем вол несколько раз пе-

реходит от одного хозяина к другому, а чудеса являет уже ближе к столице. В рассказе 15–45 наместник Эттю преданно читает «Лотосовую сутру» и возрождается на небесах. А в рассказе 31–28 мы встречаем уже знакомого нам стихотворца Фудзивара-но Тамэтоки, назначенного на сей раз руководить краем Эттю. Речь, однако, не о нем, а о его сыне, брате Мурасаки Сикибу; поехав в Эттю к месту службы отца, сын тяжело заболевает, монах пытается дать ему предсмертное наставление, но он не проникается мыслями о мирах будущего рождения, а слагает вместо этого песню о столице и о том, что пора в дорогу, – и, не дописав последней буквы, умирает. В этих трех рассказах едва ли можно выделить общие мотивы – за исключением того, что герои сознают, когда им пришло время умирать, и сообщают об этом: вол – в вешем сне, наместник и сын наместника – наяву.

Остальные истории об Эттю связаны с местом под названием Татияма (14–7, 14–8, 14–15, 17–27), на них приходится большая часть упоминаний, 10 из 16. «Среди гор широкая каменная долина, там во впадинах сотни и тысячи горячих источников бьют из глубоких ям. Хотя ямы и скрыты под скалами, пар вырывается с силой, бьет из-под скал, ворочает огромные камни. Все полно жаром, кто заходил туда и видел, говорят: очень страшно!.. С давних пор люди рассказывают: многие из жителей страны Японии, кто грешил, попадают в этот ад Татияма» (14–7). Странники, приходя в долину, встречают узников ада и узнают, как их выволить (14–7, 14–8, 17–27); также в этом страшном месте можно узнать о причинах своих трудностей, обусловленных законом воздаяния (14–15). Татияма – не единственное место в горах Японии, где, по преданиям, открывается вход в ад (или где расположена некая отдельная область ада); при высокой вулканической активности на Японских островах появление таких преданий ожидаемо. Рассказы о Татияме объединяет не общность мотивов на уровне построения рассказов, а традиция странствий по горам, к которой эти рассказы отсылают. В «*Кондзяку*» есть и другие примеры провинций, упоминаемых обычно (но не всегда) в связи с каким-то одним чтимым местом: такова Великая гора Хоки для края Хоки (14–18, 17–15). Любопытно, что самые знаменитые места не таковы: край Исэ упоминается не только в связи со святилищем Солнечной богини, а край Суруга – не только в связи с горю Фудзи.

Край Этиго упомянут также в семи рассказах, всего 13 раз. Один случай – все то же спасение жены писаря: среди участников был монах, как раз в ту пору оказавшийся в Этиго и ходивший оттуда в Эттю переписывать сутру; через этого монаха история стала известна в столице (14–8). Два других случая связаны с горой Кугами (12–1, 13–23). В древности на ней возвели храм и пагоду, бог-громовник несколько раз разрушал постройку ударом молнии, пока монах Дзинью (682–767) не усмирил его; бог навсегда защитил Кугами от молний и отворил на горе родник, чтобы монахам из храма не надо было носить воду издалека. Позже в этом храме другой подвижник читал «Лотосовую сутру», и ему служили неведомо откуда взявшиеся отроки, вполне добросовестные, но со страшными именами (на самом деле это были демоницы-ракшасы, чья помощь хранителю сутры предсказана в самом ее тексте). В рассказе 14–6 монах-отшельник в Этиго читает «Лотосовую сутру», и к его хижине приходят обезьяны. Задавая им вопросы и наблюдая за их поведением, отшельник решает: обезьяны хотят, чтобы он переписал сутру ради них. Он соглашается, и обезьяны начинают носить ему лесные плоды для пропитания и кору для изготовления бумаги (помощь диких зверей подвижнику также предсказана в сутре). Потом обезьяны погибают, и монах на время откладывает начатую работу. Много лет спустя в Этиго назначают нового наместника; он, к удивлению подчиненных, сразу по прибытии вместе с женой направляется в лес к отшельнику и сообщает: мы – те самые обезьяны, благодаря работе над сутрой мы смогли переродиться людьми (и, видимо, знатными, раз мужчина дослужился до высокой должности). Наместник снабжает монаха всем необходимым, чтобы переписать сутру до конца. Отметим здесь кармическую связь человека с тем местом, куда его назначают служить.

Как сообщается в рассказе 31–18, к берегам Этиго (но не соседних провинций) море иногда выносит корабрики, совсем как настоящие, со следами износа в морском походе, но очень маленькие, рассчитанные на карликов, и пустые, без моряков; откуда они приплывают, неизвестно. И еще в двух случаях Этиго служит прибежищем от властей неправедных. Жителей края Ното, ведших морской промысел, тамошний наместник обложил непомерными податями, и они бежали в Этиго (31–21). В свите

наместника края Митиноку состоял конюший, вполне справлялся с делами, но отчего-то господин его невзлюбил и бросил по дороге из столицы в Митиноку без средств к существованию (здесь можно усмотреть отсылку к самому началу собрания, к рассказам 1–4 и 1–5, где царевич Сиддхартха, уходя странствовать, расстается со своим верным колесничим; такая пародия на поступок Будды не предвещает благополучного исхода). Случайно конюший находит в ручье сосуд, принимает его за урну с прахом какого-то умершего, но обнаруживает внутри золотой песок. Конюший отправляется к наместнику Этиго, с которым был знаком раньше. Тот рад его принять, но и разочарован: он-то надеялся, что в Митиноку конюший разбогатеет и у него можно будет раздобыть золота, нужного, чтобы завершить отделку статуи будды Амиды (сияющее золото в «*Кондзяку*» прочно связано с образами Будды Шакьямуни и других будд, а о том, что именно золото из Митиноку лучше всего подходит для украшения храмовых изваяний, говорится в рассказе 11–13). «Золото есть!» – сообщает конюший, помогает наместнику Этиго исполнить его обет, благополучно служит при новом господине и даже находит случай поквитаться с прежним, когда тот возвращается из Митиноку (26–14). В случае Этиго единство мотивов нам представляется менее выраженным, чем для Этидзэн, и все-таки его можно проследить: не просто неожиданные пришельцы или находки, но еще и неоднозначные, польза/вред от которых поначалу неочевидны (или вовсе неизвестны, как в случае с корабриками). Однако все связанное с «Лотосовой сутрой», с золотом или со службой конюшего дает, на наш взгляд, более явные отсылки к рассказам, не имеющим отношения к Этиго.

Пройдет менее ста лет после составления «*Кондзяку*», и образ края Этидзэн начнет меняться – его известность по всей Японии начиная с XIII в. во многом будет определяться тем, что там после отъезда из столицы проповедовал дзэнский наставник Догэн (1200–1253), основатель традиции Сото-Дзэн (см.: [1]). Как и в других провинциях Японии, в Этидзэн местные традиции – как в области религий, так и в области словесности – оформятся к началу Нового времени (см.: [8; 9]). Но, на наш взгляд, для составления полной картины этих традиций материал «*Кондзяку*» и в целом рассказов *сэцува* весьма полезен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкова М.В. Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения. М.: Кругъ, 2016.
2. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей). Токио: Иванами, 1993–1999.
3. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей). URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html
4. Собрание стародавних повестей 今昔物語集, «Кондзяку моногатари-сю» в истории японской религиозно-философской мысли // Сайт Н.Н. Трубниковой. URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1>
5. Родин С.А. Представления о влиянии природных условий среды обитания на формирование характера человека в Японии: анализ содержания и бытования текстов «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 168–179.
6. Симонова-Гудзенко Е.К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М.: АСТ; Восток–Запад, 2005.
7. Суровень Д.А. Покорение земель северо-восточной Японии режимом Ямато (по материалам «Куни-но мяцую хонки» [«Реестра наместников провинций»]) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 3–15.
8. Tomohiro, Y., 2021. Literacy in early modern Echizen and Wakasa regions. In: Rubinger, R. ed., 2021. A social history of literacy in Japan. London; New York: Anthem Press, pp. 99–126.
9. Xiaolong Huang, 2021. Authority and competition: Shingon Buddhist monastic communities in medieval Japanese regional society. Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 48, no. 1, pp. 103–123.

REFERENCES

1. Babkova, M.V., 2016. *Nastavnik sozertsaniya Dogen: zhizn' i sochineniya* [Dōgen

Zenji: life and written works]. Moskva: Krug. (in Russ.)

2. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. 東京: 岩波書店, 1993–1999. (in Japanese)

10. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese)

11. Sobranie starodavnikh povestei 今昔物語集, «Kondzyaku monogatari-syu» v istorii yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli [Konjaku Monogatari-shū in the history of Japanese religious and philosophical thought]. URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx>

12. Rodin, S.A., 2020. Predstavleniya o vliyani prirodnkh uslovii sredy obitaniya na formirovanie kharaktera cheloveka v Yaponii: analiz soderzhaniya i bytovaniya tekstov «Dzinkokuki» i «Sin dzinkokuki» [Conceptualizations of natural habitats' influence on the formation of the people's character in Japan: *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki* texts' and studies' analysis], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 168–179. (in Russ.)

13. Simonova-Gudzenko, E.K., 2005. Yaponiya VII–IX vekov. Formy opisaniya prostranstva i ikh istoricheskaya interpretatsiya [Japan in the VIIth–IXth centuries. Forms of the description of space and their historical interpretation]. Moskva: AST; Vostok–Zapad. (in Russ.)

14. Suroven', D.A., 2011. Pokorenie zemel' severo-vostochnoi Yaponii rezhimom Yamato [The conquest of northeastern lands of Japan by the Yamato regime], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 3–15. (in Russ.)

15. Tomohiro, Y., 2021. Literacy in early modern Echizen and Wakasa regions. In: Rubinger, R. ed., 2021. A social history of literacy in Japan. London; New York: Anthem Press, pp. 99–126.

16. Xiaolong Huang, 2021. Authority and competition: Shingon Buddhist monastic communities in medieval Japanese regional society. *Japanese Journal of Religious Studies*, Vol. 48, no. 1, pp. 103–123.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ТОСИХИТО В МОЛОДОСТИ ЕЗДИЛ С ЧИНОВНИКОМ ПЯТОГО РАНГА ИЗ СТОЛИЦЫ В ЦУРУГУ

Перевод и комментарии М.В. Бабковой

В стародавние времена, когда человек по имени Главногокомандующий Тосихито был еще молод, его называли [...]⁴. Тогда он состоял на службе у одного очень знатного господина⁵ и выполнял свои обязанности с большим усердием. В краю Этидзэн у него был тесть по имени [...]–но Арихито, богатый и уважаемый человек, и Тосихито часто бывал в тех местах.

Как-то на Новый год в доме господина устроили пир. В те времена объедки после больших пиров забирали люди, которых звали подъедателями⁶, но сюда вход им был запрещен, и вместо них остатки доедали приближенные. Среди них был один чиновник пятого ранга⁷, служивший уже очень много лет и тем заработавший себе почет. И вот этот чиновник вместе с другой челядью уселся доедать остатки от пирушки. Он ел бататовую кашу, причмокивал и говорил:

– Ах, вот бы наесться бататовой каши досыта!

Тосихито услышал его слова и спросил:

– Так значит, до сих пор тебе не приходилось досыта наесться бататовой кашей?

– Нет, пока не случалось, – ответил чиновник

А Тосихито на это сказал:

– Что ж, надо бы как-нибудь тебя накормить.

– О, почел бы за великое счастье!

Поговорили так и разошлись.

Через несколько дней Тосихито пришел туда, где тот чиновник жил и нес службу, и сказал ему:

– Изволь же, едем со мной. Близ Арасиямы уже кипятят воду.

⁴ Здесь и далее многоточия в квадратных скобках обозначают пропуски в сохранившемся тексте «Кондзюку».

⁵ Речь идет о регенте сэссё: или канцлере кампаку, скорее всего, о Фудзивара-но Мотоцунэ (канцлер в 876–880 гг.).

⁶ 取食 (торибами) – «берущие еду», «подъедатели».

⁷ Самый низкий чин из всех присутствующих.

Чиновник отвечает:

– С превеликим удовольствием. Вчера ночью я весь исчесался, так что и уснуть не мог. Только вот ехать мне не на чем.

Тосихито на это отвечал, что лошадь уже приготовлена. Тогда чиновник воскликнул: «Ах, как хорошо!» Поверх двух тонких халатов он нацепил на себя грязно-голубой охотничий наряд – сползающую с плеч куртку и продранные снизу шаровары без нижних штанов. Вздернутый нос с покрасневшим кончиком и целое болото под носом, как будто он вообще никогда не вытирал соплей, – вот как он выглядел. Сзади куртка у него скомкалась: хоть он и заправил ее за пояс, да получилось криво. В общем, выглядел чиновник весьма причудливо. Но Тосихито пропустил его вперед, они сели на коней и отправились вверх по реке Камо-гаве. У чиновника не было даже захудалого мальчишки, а за Тосихито ехали двое – оруженосец и слуга.

И вот, когда они добрались до истока реки Камо и приближались к проходу Аватагути, чиновник спросил: «Куда мы едем?» Тосихито на это ответил: «Уже близко!» И так они миновали Ямасину. Чиновник подивился:

– Близко, говорите, а Ямасину проехали!

Тосихито ответил:

– Да вон туда! – и проехал теперь Сэкияму.

Наконец они прибыли туда, где жил знаемец Тосихито, монах из храма Миидэра.

Чиновник сказал себе: «Так вот, значит, где кипят воду. Это ж надо было забраться в такую даль!» Монах-хозяин вышел им навстречу, но сказал, что не ждал гостей, и стал хлопотать по хозяйству. Горячей водой тут, похоже, и не пахло. Чиновник спросил: «А где же вода?» – на что Тосихито ответил:

– Вообще-то мы едем в Цуругу.

Чиновник запричитал:

– Ах, что за странная мысль пришла господину! Если бы вы сказали мне об этом в столи-

це, я бы взял с собой прислугу. Как же я могу ехать так далеко совсем без слуг! Как печально!

Тосихито расхохотался и произнес:

– Ты едешь со мной, а значит, считай, у тебя тысяча слуг.

И он был прав.

Они поели и поспешили дальше. А Тосихито теперь закинул за спину свой колчан.

По пути в месте Мицунохама они заметили лисицу. Увидав ее, Тосихито воскликнул: «Вот кто нам пригодится!» Догнал лисицу и схватил ее. Та пыталась было выскользнуть из его рук и сбежать, но Тосихито с бранью привязал ее за задние лапы к сбруе своего коня, чтобы никуда не делась.

Конь Тосихито, хоть и выглядел вполне обычным, оказался таким быстрым, что нагнал лисицу. Когда чиновник прискакал туда, где Тосихито поймал зверя, он услышал, как тот говорит:

– Ты, лисица, отправляйся-ка в Цуругу, в дом к Тосихито, и скажи там, что хозяин едет и гостя везет. Завтра в час Змеи⁸ пусть оседлают двух лошадей да приезжают с ними вместе к Такасиму [встречать нас]. И только попробуй не передать то, что я сказал! Ты ведь лисица-оборотень, а значит уже сегодня непременно там будешь.

Сказал так и выпустил лису. Чиновник говорит:

– Вот это посланец у господина!

А Тосихито отвечает:

– Поглядим. Не может быть, чтобы не передала.

Лисица же и вправду бежала по дороге впереди них, все оглядываясь, пока не исчезла из виду.

Путники скакали всю ночь и добрались до места уже на рассвете. А в час Змеи они действительно увидели впереди в 20–30 дзэ⁹ всадников, скачущих в их сторону.

– Это к нам, – сказал Тосихито, завидев их. – Значит, лисица вчера добежала и передала им, чтобы встречали.

Чиновник только и сказал: «Вот это да!»

Всадники подъезжали все ближе и ближе, и вот уже один из них спешил и сказал:

– Смотрите! И правда, вон господин.

Тосихито заулыбался во весь рот:

– Что такое?

И тогда старший всадник выступил вперед, а Тосихито опять спросил:

– Вы приготовили лошадей?

– Двух, господин, – ответил тот, достал из запасов еду, и путники прямо там же сели перекусить.

Пока они ели, старший сказал:

– Вчера вечером у нас такое произошло – чудеса, да и только.

Тосихито спросил:

– А что случилось?

И старший рассказал:

– Вчера вечером, около часа Пса¹⁰, у нашей госпожи вдруг заболело в груди. Никто не мог понять, что с ней, и тут она как заговорит: «Я – [...]. Я ничего дурного вам не сделаю. Днем я была на побережье Мицу, а мне навстречу из столицы ехал зять вашего господина. Я хотела было сбежать, но он догнал меня, схватил и велел мне бежать скорей сюда и передать вам, чтобы приготовились встречать господина и его гостя и завтра в час Змеи отправили людей с двумя оседланными лошадьми в Такасиму, ему навстречу. Еще господин сказал, что если я сегодня же не передам его слова, мне придется плохо. Так он сказал. Немедленно сделайте все, как он велел, иначе господин накажет меня за обман». Так говорила наша госпожа, а сама все дрожала и никак не могла успокоиться. «Ну хорошо, это ведь не сложно», – решил тогда наш господин [Арихито], отдал нужные распоряжения, и только после этого госпожа наконец пришла в себя. Ну а после уже мы встали пораньше и поехали [вас встречать].

Выслушав его, Тосихито опять заулыбался и переглянулся с чиновником, а тот подумал про себя: «Удивительно!»

После еды поспешили в путь и засветло успели добраться до дому. Поднялся переполох, по всему дому раздавались крики: «Смотрите, так и есть, [приехали]!» Чиновник слез с лошади и оглядел роскошный дом, стоявший перед ним. Хоть на чиновнике и были два халата, да сверху еще ночной плащ, который ему дал Тосихито, он продрог до костей. Но тут внесли длинную жаровню, [...] горячих углей, расстелили множество циновок и подали изысканно нарезанные фрукты и прочие лакомства. Да еще со словами: «Вы, наверное, замерзли в дороге!» Чиновнику на плечи накинули целых три светло-желтых халата из плотной ткани, так что он почувствовал себя полностью счастливым.

После еды, когда стало потише, пришел господин Арихито и сказал зятю:

⁸ С 9 до 11 утра.

⁹ 60–90 м.

¹⁰ С 7 до 9 вечера.

– Ты так неожиданно приехал, и это невероятное послание, да еще супруга твоя занемогла – так нехорошо вышло.

Тосихито рассмеялся и ответил:

– Да мне просто захотелось посмотреть, что будет. А ведь получилось: лисица вправду прибежала и передала послание.

Тесть в ответ усмехнулся: «Чудеса!» И продолжал:

– Так этот господин и есть тот гость, о котором ты предупреждал?

Тосихито ответил:

– Он самый. Как-то мы с ним обсуждали то, что ему никогда раньше не приходилось досыта наестся бататовой каши, и я обещал его накормить, вот мы и приехали.

Тогда хозяин дома обратился к чиновнику:

– Неужели никогда не приходилось? А ведь какая простая еда!

Чиновник на это отвечал:

– Да вот, господин сказал, в Арасияме греют воду, я собрался [помыться], а он привез меня сюда.

Так они шутили да болтали до поздней ночи, а потом хозяин удалился к себе в покои.

Чиновник тоже отправился спать. Постель ему приготовили с ватным одеялом в 4–5 *сун*¹¹ толщиной. В его истершихся грязных халатах, похоже, кто-то завелся, то тут, то там у него чесалось, так что чиновник скинул все, что на нем было, надел на себя все три новых халата, улегся и попытался уснуть, но ему не спалось. Не привык он к теплу, лежал да потел – и тут почуял, что к нему кто-то придвинулся. «Ты кто?» – спросил чиновник, а женский голос ему отвечал: «Меня прислали растереть вам ноги».

Голос был совсем не противным, и чиновник, отыскав место, куда задувал ветерок, улегся там вместе с женщиной.

Тут со двора донеслись голоса. «Это еще что?» – спросил чиновник и услышал, как кто-то распоряжается: «Эй, мужичье, слушайте меня внимательно. Завтра в час Зайца¹² каждый из вас должен принести по батату в 5 *сяку* длиной и в 3 *сун* толщиной!¹³

«Что за странный приказ!» – подумал чиновник и вскоре уснул.

На рассвете чиновник услышал, как в саду расстилают циновки. «Что бы все это значило?» – гадал он. Поднял занавеси, опущенные

на ночь, и увидел четыре или пять длинных циновок. Пока он соображал, зачем бы они могли понадобиться, какой-то малый из простых принес и положил на циновки что-то похожее на бревно. Чиновник увидал, как за ним следом потянулись другие, и каждый действительно клал на циновки батат длиной в 5 *сяку* и толщиной в 3 *сун*. К часу Змеи мужики уложили на циновках гору батата величиной с комнату. Теперь чиновник понял, что человек, которого он слышал ночью, обращался к окрестным жителям. Говорил он с холма, который так и назывался – Приказным. И это только те, до кого удалось докричаться, натаскали столько батата! Что же было бы, если бы приказали и тем, кто живет подальше?!

Чиновник смотрел да дивился, а на двор тем временем притащили пять или шесть огромных котлов, каждый из них мог вместить 5 *коку*¹⁴, вбили в землю колья и установили на них эти котлы. «Ничего себе!» – думал, глядя на них, чиновник. Тут появились миловидные девушки-служанки. Все они были одеты в белое и подпоясаны под грудью широкими поясами. В руках у них были новенькие белые ведерки, полные воды. Пока чиновник соображал, зачем они выливают воду в котлы и что собираются варить, он увидел, что в воду добавили сладкий сироп *амадзура*. В это время подошло больше десятка молодых мужчин. Они засучили рукава и принялись тонкими ножами чистить бататы и нарезать их соломкой. Тут только до чиновника наконец дошло, что они собираются варить бататовую кашу. Только вот совсем у чиновника душа не лежала к тому, чтобы ее есть. Наоборот, он почувствовал отвращение.

Бататовая каша побулькивала на огне, и вот кто-то сказал: «Готово!»

– Ну так подавайте, – прозвучало в ответ.

Слуги взяли серебряный черпак объемом в целый *то*¹⁵, навалили три или четыре таких черпака каши в огромную глиняную миску и поставили ее перед чиновником. Не осилив и первой миски, чиновник сказал:

– Благодарю, я уже сыт.

Но сборище только расхохоталось.

– Вот спасибо гостю, поедем теперь бататовой каши, – перешучивались они.

И тут люди заметили, что из-под навеса крыши у дома напротив выглядывает лисица.

¹¹ Около 15 см.

¹² С 5 до 7 утра.

¹³ 1,5 м на 9 см.

¹⁴ 900 л.

¹⁵ 10,35 л.

– Смотрите, та самая лисица пришла на нас поглядеть! – сказал Тосихито. – Ну-ка накормите ее!

Лисица съела все, что ей дали, и убежала.

А чиновник прожил в том доме еще целый месяц и рад был безмерно.

Когда же они двинулись обратно в столицу, Тосихито подарил ему на прощание кожаные мешки, в которые уложили несколько нижних платьев, да еще шелковых: узорчатых, тонких,

и толстых, подбитых ватой. И еще те накидки, которые ему прежде достались. Да к тому же Тосихито подарил чиновнику лошадь с седлом и много чего еще, так что тот вернулся в столицу богатым человеком.

И правда, подобные вещи случаются с людьми, которые долго служили на одном месте и тем обрели известность. Так передают этот рассказ.

